

Н. К. Шильдер

**Император Александр I. Его жизнь и
царствование**

Том 4

Н11 **Н. К. Шильдер**
Император Александр I. Его жизнь и царствование: Том 4 / Н. К. Шильдер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 707 с.

ISBN 978-5-458-26278-1

Фигура российского императора Александра I занимает особое место в русской истории. С его именем связаны победа в Отечественной войне 1812 года и триумфальное вступление русских войск в Париж в 1814 году; руководство Венским конгрессом; указ о вольных хлебопашцах; учреждение Казанского и Харьковского университетов, основание Царскосельского лицея; масштабные культурные преобразования; упразднение Тайной экспедиции и отмена пыток; значительные социальные реформы. На протяжении двухсот лет интерес к личности императора усугублялся еще и таинственной завесой, которой была окутана его биография: вступление на престол после убийства отца - Павла I, легенда о "посмертной жизни" Александра Павловича и его сибирском отшельничестве. Исчерпывающее представление о жизни и деятельности Александра I дает основательная и увлекательная книга Николая Карловича Шильдера, знаменитого русского историка, генерал-лейтенанта, участника Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Его блестящее историческое исследование об этой эпохе стало значительным научным и общественным событием на рубеже XIX-XX вв., а его автор за свой выдающийся труд получил должность директора Императорской публичной библиотеки. Об издании Настоящее, второе, издание сочинения русского историка, генерал-лейтенанта Н.К.Шильдера "Император Александр I, его жизнь и царствование" - является одной из богато иллюстрированных (по редким оригиналам) и основанных на большом фактическом материале книг, посвященных российским императорам. Портреты и рисунки в красках исполнены в Праге, чешским графическим обществом "Уние". Фототипии и гелиогравюры - в художественной мастерской Голике и Вильборг в Петербурге. Цинкографии - Ангерером и Гешлем в Вене и в цинкографии "Нового Времени". Гравюры на дереве - Панемакером в Париже, Бёме, Зубчаниновым, Матэ, Мультиановским, Павловым, Рашевским и Шюблером в Петербурге. Копии с картин рисованы художниками С.С.Соломко, В.П.Павловым и А.А.Чижиным. Фотографии с редких оригиналов снимались фотографом Петербургской судебной палаты А.Н.Малевиным. В издание вошли портреты: Императора Александра I, Великой княжны Александры Павловны, Великой княгини Анны Федоровны, графа Аракчеева, князя Безбородко, графа Строганова, князя Чарторижского, барона Штейна, Императора Александра Павловича, принца прусского Вильгельма, князя Волконского, князя Голицына, барона Кампенгауза и мн. др., а также виды местностей, зданий, бытовые и другие рисунки.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

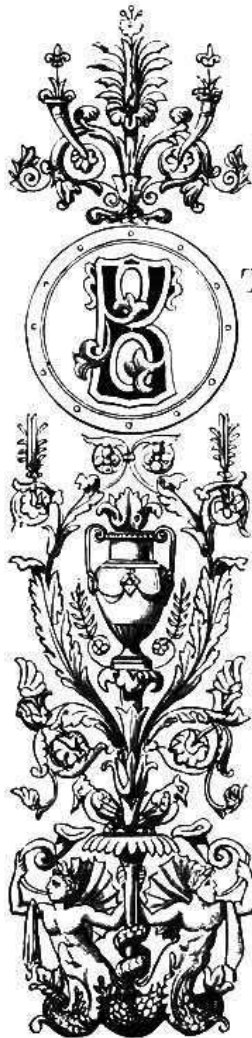
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



ГЛАВА ПЕРВАЯ



ВЪ САМЫЙ день новаго 1816 года появился манифестъ, содержаніе котораго должно было навести друзей Александра на тяжелыя размышленія; въ немъ ясно выразились политическія воззрѣнія, при которыхъ началось послѣднее десятилѣтіе царствованія Благословеннаго. Манифестъ изъяснялъ высокомонаршую признательность воипству и народу за оказанныя въ продолженіе войны съ французами подвиги, но къ этому примѣшано было длинное, вптѣватоє сочиненіе съ весьма своеобразною оцѣнкою событій, совершившихся со времени французской революціи по 1816 годъ. Въ особенноти поражаетъ рѣзкость выраженій относительно Франціи. Парижъ, по словамъ манифеста, является гнѣздомъ мятежа, разврата и пагубы народной. Наполеонъ названъ престолюдиномъ, чужеземнымъ хищникомъ, преступникомъ, присвоившимъ себѣ «Богу токмо единому свойственное право единовластнаго надъ всеми владычества» и возмечтавшимъ «на бѣдствіяхъ всего свѣта основать славу свою, стать

въ видѣ Божества на гробѣ вселенной». Затѣмъ манифестъ продолжаетъ: «Судъ человѣческій не могъ толпкому преступнику наречь достойное осужденіе: не наказанный рукою смертнаго, да предстанетъ онъ на страшномъ судѣ, всемірною кровью обліянный, передъ лице безсмертнаго Бога, гдѣ каждый по дѣламъ своимъ получитъ воздаяніе».— Въ заключеніе, по поводу водворенія всеобщаго мира и подвиговъ, совершенныхъ россіянами, было сказано: «самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то сдѣлали. Богъ для совершенія сего нашими руками далъ слабости нашей Свою силу, простотѣ нашей Свою мудрость, слѣпотѣ нашей Свое всевидящее око. Что изберемъ: гордость пли смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, неблагодарна, преступна передъ Тѣмъ, Кто излілъ на насъ толикія щедроты; она сравнитъ насъ съ тѣми, которыхъ мы низложили. Смиреніе наше исправитъ наши нравы, загладитъ вину нашу предъ Богомъ, принесетъ намъ честь, славу и покажетъ свѣту, что мы никому не страшны, но и никого не боимся»¹.

Манифестъ этотъ произвелъ во Франціи крайне тягостное впечатлѣніе и вызвалъ среди народа полное разочарованіе въ монархію, котораго онъ привыкъ считать самымъ великодушнымъ изъ своихъ враговъ. Лагарпъ сильно огорчился этимъ событіемъ и написалъ Александру письмо, въ которомъ признавался, что бываютъ минуты, когда онъ не сомнѣвается болѣе въ томъ, что существуетъ заговоръ противъ славы, пріобрѣтенной государемъ въ 1814 году².

Послѣ потрясеній, продолжавшихся двадцать пять лѣтъ, въ политической жизни европейскихъ государствъ наступило полное затихіе. Европа дѣйствительно нуждалась прежде всего въ отдыхѣ и покоѣ, и на первый разъ самое спокойствіе представляло собою какъ бы улучшеніе сравнительно съ прежнимъ тревожнымъ состояніемъ. Съ этого времени акты Вѣнскаго конгресса явились охранительными грамотами европейскаго если не благополучія, то, по крайней мѣрѣ, спокойствія, въ которомъ чувствовалась всеобщая потребность. Происходили частныя взрывы, но европейская война была надолго отклонена, и миръ не былъ нарушенъ.

Императоръ Александръ, благодаря мужеству и настойчивости, выказаннымъ имъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, сдѣлался основателемъ того порядка вещей, которому на многіе годы подчинилась Европа. Весьма естественно, что у него явилось стремленіе оберегать и поддерживать постановленія, которымъ онъ даровалъ законную и обязательную силу, хотя бы нерѣдко они не совпадали съ государственными интересами Россіи; ему могло казаться, что онъ не останется вѣренъ себѣ, даже не сохранить послѣдовательности въ дѣйствіяхъ, если откажется отъ созданной цѣною тяжкихъ трудовъ политической системы. У каждого



Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.

Съ литографіи, сдѣланной съ портрета, находящагося въ «Военной галереѣ» Зимняго дворца.

человѣка проявляется желаніе охранять дѣло рукъ своихъ, и поэтому Александръ упорно отстаивалъ неизмѣнимость постановленій Вѣнскаго конгресса со всѣми присущими имъ несовершенствами. Но, къ несчастію, къ этому естественному стремленію примѣшались туманныя идеи Священнаго союза; вредное вліяніе этихъ идей обнаружилось лишь по-

степенно. Религія не сразу явилась орудіемъ реакціи; точно такъ же упорное противодѣйствіе законнымъ народнымъ стремленіямъ къ достиженію гражданскаго преуспѣянія обратилось въ систему только благодаря содѣйствію благопріятныхъ для реакціонныхъ теченій обстоятельствъ.

Меттернихъ немало смутился, когда Александръ даровалъ въ 1815 году Польшѣ законносвободныя учрежденія и подалъ надежду распространить ихъ и далѣе, если Промыслъ благословитъ благое начинаніе его. Но для того, чтобы проводить подобныя взгляды не въ одной только Россіи, но и въ Европѣ, требовался человекъ съ твердою волею, одаренный непоколебимымъ духомъ; между тѣмъ, дѣйствительная обстановка того времени представляла обратное явленіе. Весь запасъ твердой воли Александра оказался потраченнымъ на борьбу его съ Наполеономъ, потребовавшую высшаго напряженія всѣхъ его духовныхъ и физическихъ силъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, что у государя проявились крайнія усталость и душевное утомленіе.

Выѣстъ съ тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что наследственные инстинкты, умѣрившіеся доселѣ подѣ влияніемъ полученнаго воспитанія, окрѣпли подѣ напоромъ жизни и обстоятельствъ; они одержали верхъ надѣ принятыми взглядами и убѣжденіями. Меттернихъ мастерски воспользовался обстановкою, вызванною къ жизни событіями послѣднихъ лѣтъ, и съ присущимъ ему дипломатическимъ искусствомъ поставилъ дѣло такъ, что европейская реакція, въ дѣйствительности руководимая и направляемая Австріею, являлась какъ бы твореніемъ Александра. Незамѣтнымъ для Агамемнона царей образомъ лавровый вѣнецъ его обратился въ терновый, освободительница же Европы, Россія, лишилась славы, пріобрѣтенной цѣною столькихъ жертвъ, и послужила для европейскихъ правительствъ средствомъ для отвода отъ нихъ народной ненависти.

Александръ въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія уже не былъ и не могъ быть Александромъ прежнихъ лѣтъ; онъ искалъ отнынѣ не смѣлыхъ реформаторовъ, а прежде всего исправныхъ дѣлопроизводителей, бдительныхъ и строгихъ блюстителей внѣшняго порядка. При такомъ настроеніи явилась невольная склонность и даже потребность передать бремя заботъ по внутреннему управленію имперіи въ жесткія руки вѣрнаго друга, довѣріе къ которому было всегда неограниченно. Настало время, когда Карамзинъ имѣлъ полное основаніе писать: «Говорятъ, что у насъ теперь только одинъ вельможа—графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣмъ». Къ этому же заключенію пришелъ и графъ Ростопчинъ, сказавъ: «Графъ Аракчеевъ есть душа всѣхъ дѣлъ».

Впрочемъ, Аракчеевъ самъ сознавался, что онъ имѣеть на шеѣ дѣла всего государства.

Дѣйстви́тельно, всё дѣла государственнаго управленія, не исключая даже духовныхъ, разсматривалось и приготовлялось къ докладу въ кабинетъ Аракчеева. Поэтому можно утвердительно сказать, что въ это время онъ сдѣлался первымъ или, лучше сказать, единственнымъ министромъ; всё прочіе сановники имперіи утратили силу и вліяніе на дѣла государственныя. Императоръ Александръ, постепенно все болѣе



Николай Мартыновичъ Спигингъ.

Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Росси.

удиняясь, наконецъ сталъ принимать съ докладами только одного графа Аракчеева, черезъ котораго восходили къ государю не только представленія всѣхъ министровъ, но даже, лишавшіяся вслѣдствіе того всякаго значенія, мнѣнія Государственнаго Совѣта. Современники этой эпохи говорятъ, что самые незлобивые люди теряли терпѣніе, будучи принуждены имѣть дѣло съ кичливымъ временщикомъ, заставлявшимъ ихъ съ сожалѣніемъ вспоминать о ласковомъ обращеніи государя. Теперь водворились новые порядки, и осталось одно воспоминаніе о тѣхъ

временахъ, когда, даже еще въ 1811 году, Александръ писалъ Лагарпу: «Здѣсь мы идемъ медленно, но всегда приближаясь болѣе и болѣе къ либеральнымъ идеямъ»³. Съ четырехъ часовъ ночи начинали съѣзжаться къ графу Аракчееву министры и другіе сановники. Дежурный адъютантъ, на докладъ графу о прибытіи кого-либо изъ нихъ, не получалъ никакого отвѣта, что значило подождать. Нерѣдко случалось, что и второму докладу служило отвѣтомъ молчаніе графа, повидимому, погруженнаго въ занятія за письменнымъ столомъ своимъ. Наконецъ, въ кабинетѣ раздавался звукъ колокольчика, и графъ, обратясь къ вошедшему къ нему адъютанту, надменно произносилъ: «позвать такого-то!»— Сама аудіенція была достойна всѣхъ предварительныхъ мытарствъ испытанныхъ докладчиками, и тѣмъ кто болѣе оказалъ государству заслугъ и пользовался милостью государя, тотъ тѣмъ болѣе подвергался грубостямъ высококомѣрнаго временщика.

Князь Волконскій называлъ графа Аракчеева не иначе, какъ «проклятый змѣй», «злодѣй», и выражалъ убѣжденіе, что извергъ себѣ губить Россію, погубить и государя. Въ своей перепискѣ онъ говоритъ: «Сожалѣю только о томъ, что современемъ, конечно, государь узнаетъ всѣ неистовства злодѣя, коихъ честному человѣку переносить нельзя, открыть же ихъ нѣтъ возможности по непонятному ослѣпленію его къ нему»⁴. Генералъ-адъютантъ Закревскій выражался о «змѣѣ» не менѣе краснорѣчиво и признавалъ его «вреднѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи», сожалѣя, что «сіе переменить можетъ одна его могила»⁵. А. П. Ермоловъ, П. Д. Киселевъ не отставали отъ другихъ въ полномъ осужденіи государственной дѣятельности ненавистнаго всѣмъ, грубаго и злого временщика, но всѣ единодушно признавали себя безсильнымъ вступить съ нимъ въ борьбу и поколебать его значеніе.

Карамзину пришлось вскорѣ испытать всю справедливость сдѣланнаго имъ отзыва о томъ, что въ Россіи теперь только одинъ вельможа — графъ Аракчеевъ.

Въ февралѣ 1816 года Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ для представленія императору первыхъ восьми томовъ «Исторіи Государства Россійскаго». Тщетно исторіографъ ожидалъ счастія быть принятымъ Александромъ; императрицы, великіе князья и великія княгини осыпали его любезностями, восхищались чтеніемъ отрывковъ изъ его многолѣтняго труда, но вопросъ объ аудіенціи не подвигался впередъ. Карамзинъ все только слышалъ, что государь благорасположенъ принять его⁶. Наконецъ, исторіографу передали, что графъ Аракчеевъ желаетъ его видѣть и сказалъ: «Карамзинъ, видно, не хочетъ моего знакомства: онъ пріѣхалъ сюда и не забросилъ даже ко мнѣ карточки!»⁷. При такомъ положеніи дѣлъ Карамзину оставался одинъ псходъ: пройти по тернистому пути, по которому въ томъ же году предстояло также

шествовать Сперанскому. Чтобы попасть въ рай, нельзя было избѣжать чистилища, гдѣ засѣдалъ суровый игумень Грузинскаго монастыря. Такъ было угодно государю. Карамзинъ, надѣвъ мундиръ, скрѣпя сердце, отвезъ карточку къ графу Аракчееву. «На третій день полученъ отъ него зовъ», писалъ Карамзинъ женѣ: «пріѣхалъ въ 7 часовъ вечера и пробылъ съ нимъ болѣе часу. Онъ нѣсколько разъ меня удерживалъ. Говорили съ нѣкоторою искренностію. Я разсказалъ ему мои обстоятельства и, на вызовъ его замолвить за меня слово государю, отвѣчалъ: «не прошу ваше сіятельство, но если вамъ угодно, и если будетъ кстати», и проч. Онъ сказалъ: «Государь, безъ сомнѣнія, расположенъ принять васъ, и не на двѣ минуты, какъ нѣкоторыхъ, но для бесѣды пріятнѣйшей, если не ошибаюсь».—Вообще, я нашелъ въ немъ человѣка съ умомъ и съ хорошими правилами. Вотъ его слова: учителемъ моимъ былъ дьячокъ: мудро ли, что я мало знаю? Мое дѣло исполнять волю государеву. Если бы я былъ моложе, то сталъ бы у васъ учиться: теперь уже поздно»... Графъ Аракчеевъ обязался способствовать моему скорѣйшему свиданію съ государемъ; даже увѣрилъ меня, что это откладываніе не продолжится. Неужели все будетъ напрасно?»⁸.

Вынужденное посѣщеніе сопровождалось для Карамзина благотѣльными послѣдствіями, всемогущество же графа Аракчеева подтвердилось блстательнымъ образомъ. 15-го (27-го) марта, въ 5 часовъ вечера, императоръ Александръ принялъ исторіографа. «Онъ не заставилъ меня ждать ни минуты», пишетъ Карамзинъ: «встрѣтилъ ласково, обнялъ и провелъ со мною часъ сорокъ минутъ въ разговорѣ искреннемъ, мплотивомъ, прекрасномъ. Воображай, что хочешь: не воображайшишь всей его любезности, привѣтливости. Я хотѣлъ ему прочесть его дедикацію: два раза начиналъ и не кончилъ. Скажи: тѣмъ лучше! ибо онъ хотѣлъ говорить со мною. Я предложилъ наконецъ свои требованія: все принято, дано какъ нельзя лучше: на печатаніе 60 тысячъ и чинъ, мнѣ принадлежащій по закону. Печатать здѣсь, въ Петербургѣ; весну и лѣто жить, если хочу, въ Царскомъ Селѣ; право быть искреннимъ и проч.»⁹.

Черезъ нѣсколько дней государь пожаловалъ еще Карамзину, сверхъ чина статскаго совѣтника, аннинскую ленту, чему не было прежде примѣровъ. Въ маѣ 1816 года исторіографъ водворился въ Царскомъ Селѣ, и вскорѣ началось печатаніе его безсмертнаго труда¹⁰.

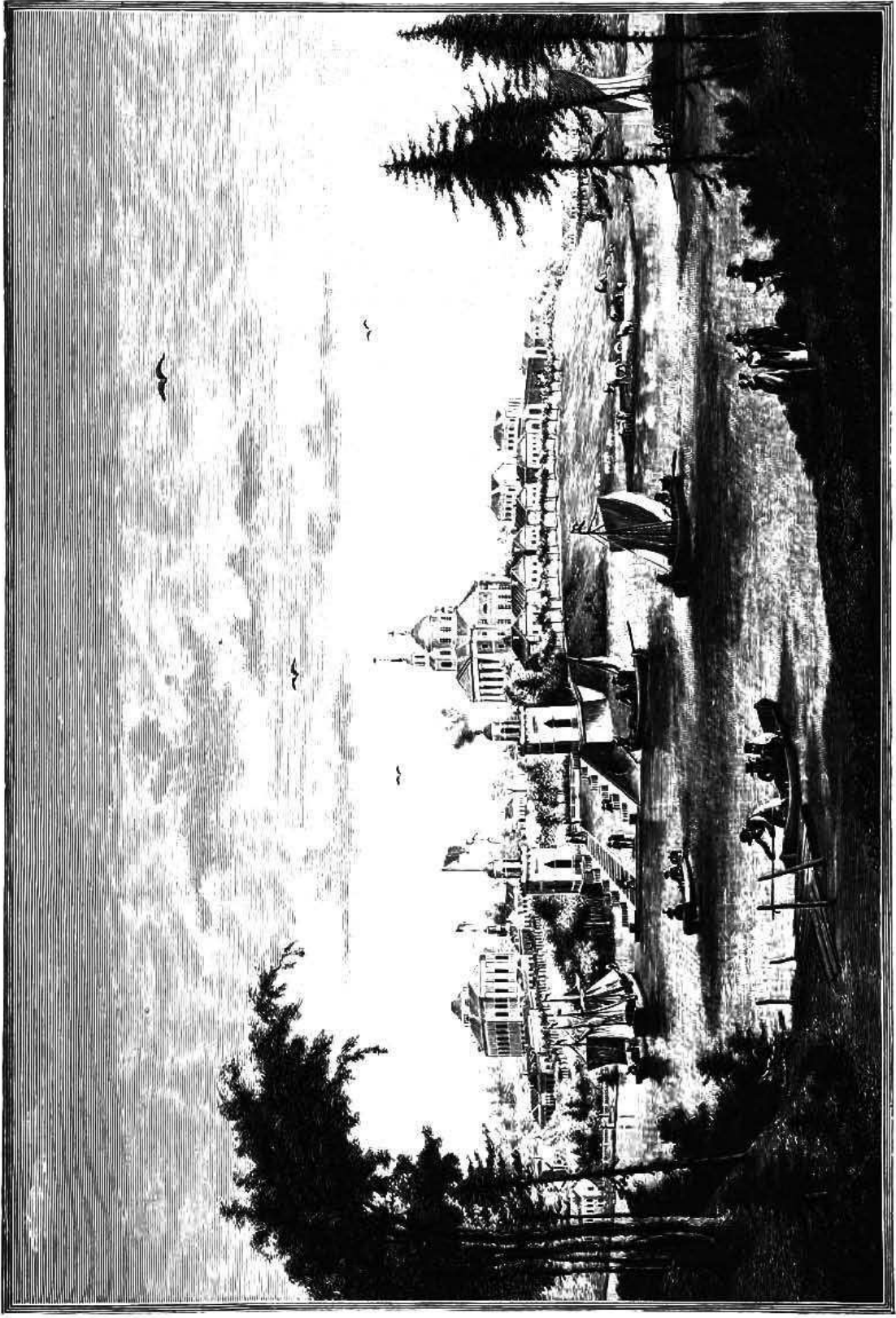
Отказавшись отъ прежней преобразовательной дѣятельности въ отношеніи къ внутреннимъ дѣламъ, перешедшимъ въ руки графа Аракчеева, государь продолжалъ лишь, по заведенному порядку, заниматься внѣшними дѣлами. «Я не хотѣлъ дать вамъ преемника и самъ поступилъ на ваше мѣсто», сказалъ Александръ графу Румянцеву при

его увольненіи и до кончины своей не отступилъ отъ принятаго на себя труда. По заключеніи второго Парижскаго мира, графу Каподистрія назначено было прибыть въ Петербургъ. Здѣсь императоръ повелѣлъ ему впредь входить къ нему съ докладами два раза въ недѣлю, совместно съ графомъ Нессельроде; послѣднему, сверхъ того, поручено было управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и присутствованіе въ иностранной коллегіи. Графу Каподистрія ввѣренъ былъ также докладъ по дѣламъ Бессарабской области. Баронъ Строгоновъ долженъ былъ замѣнить въ Константинополѣ Италіискаго, переведеннаго въ Римъ.

Графъ Каподистрія воспользовался назначеніемъ барона Строгонова, чтобы высказать государю свои замѣчанія на Букарестскій трактатъ и полную невозможность найти въ этомъ договорѣ полезное и прочное основаніе для мирныхъ сношеній съ Оттоманскою Портою, которыми желали установить при отправленіи новаго посла въ Константинополь. Въ виду дружественныхъ отношеній Турціи къ Наполеону, продолжавшихся и послѣ заключенія мира съ Россією, Каподистрія признавала полезнымъ замѣнить Букарестскій трактатъ новымъ договоромъ, которымъ были бы ограждены права Придунайскихъ княжествъ и Сербіи, поддержавъ эти требованія военною демонстраціею на Черномъ морѣ и на турецкой границѣ.

Императоръ Александръ выслушалъ доводы графа Каподистрія съ полнымъ вниманіемъ и затѣмъ сказалъ: «Все это очень хорошо обдуманно, но для того, чтобы исполнить это, надобно воевать, а я этого не хочу. Довольно было войнъ на Дунаѣ, онѣ деморализируютъ арміи. Вы сами были тому свидѣтелемъ. Впрочемъ, миръ въ Европѣ еще не обезпеченъ, и революціонеры ничего лучшаго не желаютъ, какъ втравить меня въ борьбу съ Турцією. Букарестскій договоръ, хороша онъ или дуренъ, долженъ быть сохраненъ. Слѣдуетъ примириться съ нимъ и стараться извлечь изъ него всю возможную пользу, чтобы помочь нѣсколько княжествамъ и сербамъ, а особенно, чтобы турки не беспокоили насъ своими притязаніями относительно азіатскаго прибрежья. Въ этомъ смыслѣ поручаю вамъ работать при отправленіи барона Строгонова»¹¹.

Все возраженія, которые Каподистрія осмѣлился представить, осна-ривая взглядъ, проводимый въ восточной политикѣ государемъ, не достигли цѣли. Александръ остался непреклоннымъ (*inébranlable*). Каподистрія, какъ онъ самъ признается, удалился съ стѣсненнымъ сердцемъ; онъ видѣлъ, что государь хотѣлъ упрочить миръ съ турками на основаніи Букарестскаго договора, и что онъ особенно хотѣлъ убѣдить въ томъ европейскія державы. Между тѣмъ, опытный дипломатъ былъ увѣренъ, что переговоры, которые предстояло вести барону Строгонову, приведутъ въ концѣ концовъ къ совершенно противоположному результату.



Видъ села Грузина въ началѣ XIX столѣтія.
Съ акварельнаго рисунка съ натуры И. Нефдова, 1812 г. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Дѣйствительно, съ одной стороны приходилось требовать вознагражденія и удовлетворенія за нарушеніе и неточное исполненіе статей договора, касавшихся княжествъ и Сербіи, а съ другой—найти средства отклонить домогательства Порты о возвращеніи ея крѣпостей кавказскаго прибрежья. Поэтому было очевидно, что пренія, которыя должны были возникнуть вслѣдствіе посольства Строгонова, вызовутъ со стороны турокъ и европейскихъ державъ подозрѣніе, что Россія скрываетъ свои истинныя намѣренія и что она, нисколько не желая устранить препятствій къ упроченію мирныхъ сношеній съ Портою, старается лишь вызвать неудовольствія, которыя современемъ оправдали бы новую войну.

Итакъ, Строгонову дана была инструкція, разработанная согласно намѣреніямъ, высказаннымъ императоромъ; эти начала опредѣлили собою русскую восточную политику до 1825 года. Слова Александра: «Il faut drait tirer le canon et je ne le veux pas», остались въ полной силѣ даже во время греческаго возстанія и не могли быть поколеблены безпримѣрными неистовствами, совершенными впоследствии турками.

Возвращеніе государя въ Петербургъ сопровождалось, начиная съ 1816 года, многими важными переменами въ личномъ составѣ высшаго управленія имперіи¹². 12-го (24-го) мая 1816 года, на мѣсто уволеннаго генерала Ртищева, командиромъ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса былъ назначенъ генералъ Ермоловъ, и, подобно, какъ его предшественнику, ему повелѣно было управлять гражданскою частію, какъ въ Грузіи, такъ и въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской; вмѣстѣ съ тѣмъ Ермоловъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Персію. После кончины свѣтлѣйшаго князя Н. П. Салтыкова, послѣдовавшей 16-го (28-го) мая 1816 года, предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ назначенъ былъ свѣтлѣйшій князь П. В. Лопухинъ. 10-го (22-го) августа 1816 года министръ народнаго просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій, былъ уволенъ по прошенію отъ службы, и повелѣно было, до опредѣленія министра просвѣщенія, исправлять должность его главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, князю А. Н. Голицыну. Съ этого времени фактически духовныя дѣла и народное образованіе были ввѣрены управленію одного лица. Окончательное, такъ сказать, юридическое ихъ сліяніе не замедлило совершиться въ слѣдующемъ 1817 году, 24-го октября (5-го ноября).

Въ послѣдовавшемъ тогда манифестѣ возвѣщалось о соединеніи дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія, подъ названіемъ Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Вновь образованное министерство было ввѣрено князю А. Н. Голицыну, который, по свидѣтельству современника, «влѣзъ тогда по уши въ мистицизмъ».